B14 6/27

514 6/27

Д. Багницкій.

Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ.

5 14 6/27

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія О. Проппера. Мѣщанская, 21.
1897.

Къ вопросу
о русско-польскихъ
отношеніяхъ.

Д. Багницкій.

Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Проппера. Мѣщанская, 21.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 іюня 1897 года.

Типографія С. М. Проппера. Мѣщанская, 21.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Вмѣсто предисловія	1
Царство Польское и Западно-русскія губерніи	7
Ѳомамъ невѣрующимъ	20
Febris consularis	26

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 292603
193 г.

Вмѣсто предисловія.

«Въ свое время мы высказались о благотворномъ значеніи Высочайшаго Указа Сенату 27 марта, отмѣняющаго контрибуцію, наложенную на имѣнія лицъ польскаго происхожденія въ 9-ти западныхъ губерніяхъ Россіи. Оцѣнка этого Указа, сдѣланная нами, оправдывается уже отношеніемъ къ нему поляковъ, какъ заграничныхъ, такъ и состоящихъ въ русскомъ подданствѣ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, г. Д. Багницкій, откликнулся на помянутую мѣру «Политической Исповѣдью», освѣщающею русско-польскія отношенія съ новой точки зрѣнія. Прежде чѣмъ формулировать наше мнѣніе объ этомъ польскомъ откликѣ, мы передадимъ сущность разсужденій автора.

Назвавъ Высочайшій Указъ Сенату 27 марта «актомъ, вдохновленнымъ милостивымъ великодушіемъ и дальновидной прозорливостью», г. Багницкій видитъ въ изданіи его начало новой эры въ русско-польскихъ отношеніяхъ—именно эры «постепеннаго сглаживанія слѣдовъ возстанія 1863 г.», и высказывавъ сожалѣніе, что причины и послѣдствія злополучнаго года все еще отражаются въ современныхъ политическихъ воззрѣніяхъ иныхъ русскихъ и иныхъ поляковъ, «исповѣдуется», какія обстоятельства повліяли на измѣненіе его личныхъ взглядовъ и каковы эти послѣдніе въ данный моментъ. Касаясь идеала польскихъ патріотовъ шестидесятыхъ годовъ, т. е. возстановленія самостоятельной Польши въ историческихъ предѣлахъ 1772 года, авторъ сопоставляетъ его съ современными нравственно-правовыми основами государственнаго строительства и выводитъ изъ этого сопоставленія *этическую* устарѣлость традиціонной польской программы. Разъяснивъ, что границы 1772 г. совпадали съ предѣлами наслѣдственнаго землевладанія коренныхъ польскихъ или ополяченныхъ дворянъ и что въ то же время эти границы нарушаютъ территоріальное единство народовъ польскаго, русскаго и нѣмецкаго,—авторъ заявляетъ, что, помимо практической неосуществимости помянутаго идеала, онъ противорѣчитъ нынѣшнимъ требованіямъ международной совѣсти, а потому и не можетъ оставаться идеаломъ впредь.

Но мы живемъ во время пангерманизма, паниталианизма, панэллинизма, пансербизма, панболгаризма,—замѣчаетъ далѣе г. Багницкій,—поэтому и поляку мудрено не думать о выдѣленіи и объединеніи польскаго народа въ особый политическій организмъ. Но при размышленіяхъ такого рода надо считаться съ географическимъ положеніемъ и съ посторонними интересами, или опасеніями. Считаясь-же, нельзя не усмотрѣть, что преграды устраняются лишь «продолжительнымъ соціально-экономическимъ процессомъ и такой планомѣрной, единодушной, самоотверженной и настойчивой мирной работой на законной почвѣ цѣлаго ряда польскихъ поколѣній, какой ничто не предуказываетъ въ настоящее время».

Если мы правильно поняли автора, то мысль его сводится къ тому, что поляки, ради надежды на собственную государственность, должны стремиться къ преобладанію надъ нѣмецкимъ элементомъ въ той части Пруссіи, которая отдѣляетъ Царство Польское отъ Балтійскаго моря, т. е. по пространствѣ между Нижней Вислой и Нижнимъ-же Нѣманомъ, а въ то-же время не только примириться, но даже содѣйствовать ликвидаціи, такъ сказать, полонизма въ Познани и въ западно-русскихъ губерніяхъ.

Полагая, вѣроятно, что для такой работы у современныхъ соотечественниковъ его не имѣется ни достаточной дальновидности, ни достаточнаго единодушія, ни

достаточнаго самоотверженія, — г. Багницкій сообщаетъ затѣмъ, что многіе польскіе патріоты извѣрились въ возможность возсозданія вполнѣ самостоятельной Польши и потому одни изъ нихъ увлеклись мыслію объ уніи Польши съ Австро-Венгріей, другіе, въ томъ числѣ кн. Владиславъ Чарторыжскій, пришли къ убѣжденію, что «наилучшимъ изъ *возможныхъ* разрѣшеній польскаго вопроса было-бы объединеніе всѣхъ поляковъ подъ скипетромъ Русскихъ Государей».

Критическому анализу обѣихъ этихъ комбинацій авторъ посвящаетъ по особой главѣ своей «Исповѣди».

Увлеченіе иныхъ поляковъ австрофильствомъ признается авторомъ «Исповѣди современнаго поляка», не цѣлесообразнымъ, не практическимъ, одностороннимъ стремленіемъ безъ соотвѣтствующаго отклика. Руководящія сферы въ Вѣнѣ и Пештѣ относятся отрицательно ко всякимъ попыткамъ, хотя-бы, платоническаго распространенія австро-галиційской уніи на зарубежныхъ поляковъ,—сообщаетъ намъ г. Багницкій въ своей брошюрѣ и указываетъ дѣйствительно основательныя причины такого отношенія. И венгерцы, и нѣмцы опасаются, что усиленіе польскаго элемента подъ скипетромъ Габсбурговъ нарушитъ неустойчивое и безъ того внутреннее равновѣсіе и что преслѣдованіе Австро-Венгріей обще-польской объединительной политики вызвало-бы столкновеніе съ Германіей и Россіей, исходъ кото-

раго былъ-бы крайне невыгоденъ какъ для Габсбургской Монархіи, такъ и для поляковъ.

Такъ-же точно и Россія очутилась-бы во враждебныхъ отношеніяхъ къ остальнымъ двумъ державамъ, владѣющимъ областями съ польскимъ населеніемъ, если-бы задалась мыслью объединить въ неразрывности съ собою весь польскій народъ.

Между тѣмъ роковыя недоразумѣнія въ прошломъ невольно должны вызывать опасенія съ русской стороны, что послѣдствія разрыва съ сосѣдями, даже при полномъ успѣхѣ политики по программѣ кн. Вл. Чарторыжскаго, не окупятся пріобрѣтеніемъ областей съ польскимъ населеніемъ.

Но постороннія событія могутъ по мнѣнію г. Б—цкаго, привлечь вниманіе Россіи къ зарубежнымъ полякамъ. Закономѣрное развитіе національнизма вызоветъ раньше или позже объединительное движеніе въ средѣ сербовъ Босніи, Герцоговины, Сербіи и Черногоріи,—что заставитъ Австро-Венгрію сдѣлать новый шагъ по начатому ею съ 1878 года «перенесенію центра тяжести» на Востокъ. Одновременно тяготѣніе австрійскихъ нѣмцевъ къ Германской Имперіи повлечетъ за собою возобновленіе объединительной общенѣмецкой политики. Тогда области съ русскимъ и польскимъ населеніемъ восточной Австріи и восточной Пруссіи окажутся въ положеніи, на которое Россіи невозможно будетъ смотрѣть безучастно.

Предвидѣніе этого будущаго заставитъ, какъ полагаетъ авторъ «Исповѣди», и поляковъ, и русскихъ сознательно отрѣшиться отъ предвзятостей шестидесятыхъ годовъ.

«Исповѣдь» г. Багницкаго заканчивается заявленіемъ, что частности русско-польскихъ отношеній обходятся имъ пока молчаніемъ, въ виду полной зависимости ихъ отъ основныхъ воззрѣній».

(«*Биржк. Вѣд—ти*»).

I

Царство польское

и

Полонизмъ въ Западно-русскихъ губерніяхъ

(Письмо въ редакцію «Бирж. Вѣдомостей»).

Принося «Биржевымъ Вѣдомостямъ» живѣйшую признательность за точную передачу содержанія моей «Политической исповѣди», я прошу вмѣстѣ съ тѣмъ гостепріимства для отвѣта на сдѣланный мнѣ уже съ нѣсколькихъ сторонъ упрекъ въ недосказанности.

«Вы вовсе не говорите, какъ должны быть нормированы русско-польскія отношенія, чтобы не оставаться «роковымъ вопросомъ»,—заявили мнѣ, между прочимъ.

Хотя мнѣ кажется, что общія основы «нормировки» указаны въ «Исповѣди» довольно опредѣленно для bon entendeur, но такъ какъ имя этому послѣднему—не легіонъ, то я постараюсь высказаться съ полной ясностью.

Считая историческую Польшу невозстановимой даже въ правосознаніи, видя непреодолимыя, при данныхъ условіяхъ, преграды къ объединенію и выдѣленію этнографической Польши въ независимое государство, сознавъ, что Австро-Венгрія не можетъ имѣть охоты посягать, въ польшеобъединительныхъ видахъ, на зарубежныя польскія области, — я сталъ *руссофиломъ* въ томъ смыслѣ, что, подобно кн. Адаму Чарторыскому въ эпоху вѣнскаго конгресса и его сыну Владиславу въ наши дни, желаю, чтобы создалось положеніе, при которомъ Россія, если-бы представились случаи расширить предѣлы нераздѣльно связаннаго съ нею реальной уніей Царства Польскаго *путемъ мирно получаемыхъ компенсацій*,—считала такое расширеніе не только безопаснымъ, но и выгоднымъ для себя *). Такой-же взглядъ можетъ установиться въ Россіи въ томъ лишь случаѣ, если преобладающее большинство *при*-русскихъ поляковъ будетъ *по внутреннему убѣжденію* сво-

*) Далеко не нѣжничающій съ поляками К. А. Скальковскій признаетъ, однако, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи такое руссофильство «имѣющимъ смыслъ».

ему стоять за нынѣшнюю неразрывность русско-польскихъ узъ.

Это убѣжденіе можетъ выработаться и вкорениться въ при-русскихъ полякахъ, если въ административномъ и культурномъ отношеніяхъ имъ будетъ предоставлена возможность жить самобытной жизнью въ естественныхъ предѣлахъ ихъ народности. А гдѣ эти предѣлы, о томъ повѣдаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени сводъ данныхъ переписи относительно родной рѣчи населенія.

Извѣстно, что въ русской публицистикѣ, занимающейся русско-польскими отношеніями, имѣются представители взгляда, будто-бы патріотическій долгъ русскаго повелѣваетъ ему всячески хлопотать о полномъ сліяніи съ Россіей Царства Польскаго, именуемаго ими «Привислиньемъ», и о превращеніи его въ край съ порядками и физіономіей Великороссіи. Я не могу дать оцѣнки этого взгляда болѣе убѣдительной, чѣмъ нижеслѣдующая, сдѣланная чистокровнымъ русскимъ, въ патріотизмѣ котораго никто никогда не сомнѣвался и котораго высокая компетентность въ національно-политическихъ и административныхъ вопросахъ едва-ли можетъ быть оспариваема:

«Вообще инкорпорація можетъ быть полезна, только если есть надежда на сліяніе народностей и нѣтъ историческихъ правъ, которыя нужно щадить. Небольшая область, никогда не составлявшая независимой державы и покоренная боль-

шимъ государствомъ, можетъ быть безопасно включена въ его составъ: но инкорпорація страны, имѣвшей свою историческую жизнь, всегда сопряжена съ большими затрудненіями и часто можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. *Историческую народность невозможно уничтожить*, даже послѣ величайшихъ бѣдствій она поднимается съ новою силою, сохраняя непримиримую ненависть къ своимъ покорителямъ. Достаточно припомнить отношенія чеховъ къ нѣмцамъ послѣ того, какъ тридцатилѣтняя война почти совершенно истребила чешскую народность. Въ настоящее время, при всеобщемъ возбужденіи національнаго чувства, задача становится еще затруднительнѣе. Уничтожить самостоятельность извѣстной народности, включить ее въ составъ другой, значитъ, заставить ее отказаться отъ самой себя, забыть свою прежнюю жизнь, свои воспоминанія, свое павшее величіе, свои интересы, свои нравы, свой языкъ и все это въ пользу перваго врага—это дѣло, превышающее человѣческія силы. *Но если невозможно сліяніе народностей, то сліяніе государствъ не имѣетъ смысла...* Оно не уничтожитъ стремленія къ независимости, но, поддерживая неудовольствіе, дастъ ему болѣе обильную пищу и юридическую подкладку. Внѣшнихъ враговъ это превращаетъ во враговъ внутреннихъ, болѣе опасныхъ, ибо они проникаютъ всюду, распространяя тайно свою тлетворную

дѣятельность. Вогнать внутрь наружную болѣзнь всегда самое плохое лекарство. При такомъ положеніи дѣлъ остается или умиротворить покоренный народъ *справедливымъ попеченіемъ объ его интересахъ*, или, если этого невозможно достигнуть, держать его силою. Въ послѣднемъ случаѣ сохраненіе его политической самостоятельности опять выгоднѣе полной его инкорпораціи. *Лучше держать на военномъ положеніи страну, внѣшнимъ образомъ примыкающую къ государству, чѣмъ одну изъ собственныхъ областей.* Въ первомъ случаѣ, неизбѣжный здѣсь произволъ остается проявленіемъ внѣшней силы, во второмъ онъ водворяется внутри самой земли. *Это зло не искупается ничѣмъ*, ибо государство ничего не выигрываетъ отъ подобнаго уравненія. Отъ этого не уменьшаются ни издержки, ни условія, необходимыя для содержанія области въ повиновеніи. Всѣ эти соображенія примѣнимы къ настоящимъ отношеніямъ Россіи къ Польши. *Включеніе Царства Польскаго въ составъ Россійской Имперіи, съ чисто государственной точки зрѣнія, можетъ принести только вредъ, ибо обрусеніе Польши и сліяніе ея съ Россіей, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, не болѣе какъ мечта».*

Это высказано Б. Н. Чичеринымъ. Полагаю, что его имя перевѣситъ, въ умѣ всякаго просвѣщеннаго человѣка, чуждаго преднамѣренности, всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ анонимовъ и псев-

донимовъ, ратующихъ за «обрусеніе Привислинья».

Русское правительство, слава Богу, —какъ для Польши, такъ и для Россіи — не поддалось этимъ воззваніямъ. Никакимъ законодательнымъ актомъ Царство Польское не было переименовано въ «Привислянскій край», подвергать «обрусенію», поляковъ не было повелѣно ни военнымъ, ни гражданскимъ русскимъ чинамъ ни въ одномъ монаршемъ указѣ, ни внушаюсь имъ высшими государственными учрежденіеми.

Отецъ новоназначеннаго командира лейбъ-гвардіи уланскаго полка, принцъ Жеромъ-Бонопартъ, изрекъ нѣкогда великую истину: «On peut faire tout avec les baïonnettes, sauf s'asseoir dessus». «Штыками все можно сдѣлать, только усѣсться на нихъ нельзя». Руководствуясь, повидимому этимъ премудрымъ воззрѣніемъ, современныя правительственныя сферы обнаруживаютъ готовность идти дальше «держанія силою покореннаго народа» и готовы попытаться обратить его въ народъ, «умиротворенный справедливымъ попеченіемъ о его интересахъ».

Какъ-то извѣстный русскій славистъ В. И. Ламанскій заявилъ, что съ русской точки зрѣнія было-бы весьма желательнымъ установленіе въ Царствѣ Польскомъ такихъ порядковъ, которыми были-бы вполнѣ довольны мѣстные поляки и которые вызвали-бы тяготѣніе къ Цар-

ству поляковъ зарубежныхъ. Но,—оговорился тутъ же профессоръ-публицистъ,—этого достигнуть нельзя, такъ какъ поляки Царства ненасытны дескать, и непремѣнно пожелаютъ собственной арміи, собственной таможенной территоріи, а потомъ опять посягнуть на Западный край.

Въ виду неоднократно формулируемыхъ въ русской печати подозрѣній, что въ польской средѣ существуетъ гравитація къ Австріи — едва-ли правительственной Россіи могло-бы быть безусловно непріятно, если-бы косвеннымъ послѣдствіемъ смягченной системы управленія въ Царствѣ было прекращеніе этихъ подозрѣній и безопасные, платоническіе, такъ сказать, признаки обратнаго настроенія.

Во всякомъ случаѣ, чѣмъ рискуетъ Россія, вступая на путь развитія въ полякахъ Царства сознательнаго и искренняго убѣжденія, что неразрывность русско-польскихъ политическихъ связей—не неудобство, а, напротивъ, преимущество? Ослабится-ли отъ этого та сила, которою Россія пресѣкала и предупреждала понынѣ польскія дѣянія, или замыслы, противорѣчащіе русскимъ интересамъ? Влечетъ-ли за собою предоставленіе польской народности, скопленной на маленькой территоріи, условій для проявленія своей культурно-административной самобытности—уменьшеніе полицейскаго надзора и средствъ военной охраны спокойствія?

Не только не влечетъ, но ничуть не мѣшаетъ ни усугубленію бдительности, ни вящщему сосредоточенію войскъ на западныхъ окраинахъ. Съ другой стороны, имѣются-ли достаточныя основанія вѣчно думать a priori, безъ провѣрки на дѣлѣ, будто-бы всякое смягченіе въ Польшѣ ведетъ только къ обостренію и безразсуднымъ притязаніямъ? Прецедентамъ 30 и 63 годовъ поляки могутъ противопоставить свой образъ дѣйствій относительно Австріи. Не убѣдительно-ли онъ свидѣтельствуетъ, что поляки далеко не такъ ненасытны, какъ полагаетъ В. И. Ламанскій? Проявили-ли они тамъ стремленія создать собственную армію и огородиться таможенной границей? А были моменты, когда превращеніе нынѣшняго самоуправленія Галиціи въ такую же обособленность, какою пользуется Хорватія, прямо предлагалось поляками сильными партіями въ рейсхратѣ. Можетъ быть, въ русской Польшѣ и найдутся болваны, не понимающіе, что отдѣленіе этого края отъ Россіи таможенной чертой было-бы разорительнымъ для него, но не подлежитъ сомнѣнію, что такихъ «политиковъ» тамъ очень немного и что вліятельной роли никогда имъ не въ мѣстномъ обществѣ не играть. Что-же касается до охотниковъ обзавестись собственной арміей, то такихъ пришлось-бы искать въ домахъ для умалишенныхъ, гдѣ они если и есть, то поставлены въ положеніе, препятствующее имъ угрожать Россіи и Германіи сво-

ими военно-организаторскими замыслами. Какъ ни безумна была затѣя отвоеваться отъ Россіи въ 63 г., но вѣдь она была вызвана не вѣрою въ собственную мощь, а успѣшнымъ вмѣшательствомъ второй Французской Имперіи въ дѣло итальянскаго освобожденія и увѣренностью, что такая интервенція послѣдуетъ и въ пользу поляковъ. Гдѣ-же что-либо подобное виднѣется въ перспективѣ? Да, наконецъ, имѣетъ-ли какое-нибудь значеніе вопросъ о томъ, насытимы-ли поляки, или ненасытны, въ виду факта, что «питать» — то ихъ будетъ держава, опирающаяся на десять милліоновъ штыковъ и расходующая ежегодно болѣе двухсотъ милліоновъ рублей на свою оборону.

Я даже не понимаю, какимъ образомъ русскій патріотъ можетъ въ такой мѣрѣ умалять отпорное могущество своего отечества, чтобы въ его умѣ могла зародиться тревога по поводу воображаемыхъ будущихъ притязаній народности, общая численность которой съ женщинами, старцами и дѣтьми включительно не превышаетъ количества обученныхъ военному ремеслу, способныхъ носить оружіе русскихъ, и которую при условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ нынѣшнихъ постигли — Дубенка, Маціовицы, Прага, Гроховъ, Остроленка, Воля...

Мнѣ остается выяснить еще опасенія насчетъ воздѣйствія польской самобытности въ Царствѣ на польскій элементъ въ западно-русскихъ губерніяхъ.

Польскій писатель З. Милковскій (Т. Т. Ежъ) разсказывалъ, что въ 63 году, будучи безбородымъ юношей, онъ принималъ участіе въ формированіи повстанческаго отряда на окраинѣ Подольской губерніи. Было навербовано шестьдесятъ юнцовъ, которые, обзаведясь верховыми лошадьми, вооружившись охотничьими двухстволками и надѣлавъ по нѣсколько десятковъ патроновъ на брата, ждали сигнала изъ Варшавы, чтобы одновременно съ атакой, производимой «главными польскими силами» на «фронтъ» Россіи, «ударить», подкравшись черезъ Румынію, «въ тылъ»!!!

Этотъ геніальный стратегическій замыселъ былъ исполненъ; но, подобно тому, какъ маститый Милковскій повѣствовалъ о немъ, какъ о поразительнѣйшемъ примѣрѣ ребяческаго сумасбродства, такъ и объ опасеніяхъ иныхъ русскихъ относительно жребія западныхъ губерній, буде прекратится подавленіе полонизма въ Царствѣ,—нельзя, по нынѣшнимъ временамъ, говорить иначе, какъ о дѣтски-наивной тревогѣ, если, разумѣется, она—чувство искреннее, а не лицемѣрное усердствованіе въ какихъ-либо эгоистическихъ видахъ. Подъ Западнымъ краемъ подразумѣваются девять губерній, именно: Кіевская, Подольская, Волынская, Минская, Могилевская, Витебская, Виленская, Гродненская и Ковенская.

Извѣстно-ли русскимъ, *искренно* опасающимся, что польское населеніе этихъ губерній можетъ быть опаснымъ для цѣло-

сти Всероссійской Имперіи орудіемъ въ рукахъ поляковъ Царства, каковы процентныя отношенія въ этихъ губерніяхъ между польскими и не польскими элементами?

Я выражу ихъ въ цифрахъ, заимствованныхъ у *польскаго* статистика, такъ какъ національность его является ручательствомъ, что эти цифры не умалялись. Къ тому-же онѣ выведены изъ оффиціальныхъ данныхъ *).

Изъ 92-хъ уѣздовъ, входящихъ въ составъ девяти западно-русскихъ губерній, *только въ двухъ*—именно Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ, примыкающихъ къ этнографической Польшѣ въ Царствѣ, поляки составляютъ большинство.

Если-бы при неоднократно возбуждавшемся въ русской печати административномъ перемежеваніи между Царствомъ Польскимъ и Западнымъ краемъ, отчисляя малорусскіе и литовскіе уѣзды отъ Польши, причислить къ ней названные два уѣзда и населенную сплошь поляками западную часть уѣзда Бѣльскаго, то въ общемъ польскій элементъ зап. Россіи не достигалъ-бы 10 проц. населенія всѣхъ девяти названныхъ губеній, и изъ нихъ только въ одной Виленской губерніи онъ превышаетъ пятую часть общаго числа жителей, не доходя до четверти его.

*) «Edward Czynski». «Zarys liczebnosci i rozsiedlenia ludnosci polskiej».

Эта численная слабость поляковъ на западной окраинѣ Россіи выступаетъ во всей своей безнадежности, если, принявъ во вниманіе сословный составъ мѣстнаго польскаго наслоенія, не терять изъ виду, что землевладѣльческое дворянство «оскудѣваетъ» во всей Россіи въ такой мѣрѣ, что, по даннымъ, опубликованнымъ недавно центральнымъ статистическимъ комитетомъ, полное исчезновеніе этого общественнаго класса имѣло-бы мѣсто черезъ пятьдесятъ лѣтъ, если-бы предоставить его самому себѣ. Каковы-бы ни были результаты особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ И. Н. Дурново, едва-ли русскіе, стоящіе на стражѣ національныхъ итересовъ западной окраины, имѣютъ какія-либо основанія опасаться, что процессъ оскудѣнія поляковъ-землевладѣльцевъ дворянскаго сословія будетъ затормаженъ щедротами казны. Крестьянское-же землевладѣніе, будучи или малороссійскимъ, или бѣлорусскимъ, или литовскимъ, не можетъ, уже въ силу естественнаго антагонизма интересовъ, являться «матеріаломъ», удобовоспринимающимъ польско-дворянскую «агитацію», если-бы таковая стала возобновляться. Не слѣдуетъ забывать также—какимъ сильнымъ деполонизирующимъ факторомъ является въ этомъ краѣ Крестьянскій Банкъ.

Что касается до городовъ въ западныхъ губерніяхъ, то надо быть слѣпымъ,

или преднамѣренно упорствующимъ въ предубѣжденности, чтобы не видѣть, въ какой мѣрѣ живущее тамъ русское чиновничество и прошедшее черезъ русскія учебныя заведенія еврейство противодѣйствуютъ съ безостановочно возрастающимъ успѣхомъ увѣковѣченію польской ихъ физіономіи.

При такомъ положеніи полонизма въ западной Россіи, при томъ будущемъ, которое ему предстоитъ неминуемо, можетъ-ли возбуждать серьезныя опасенія мысль, что въ Царствѣ могутъ еще находиться въ живыхъ политическіе ихтіозавры, способные смотрѣть на «Литво-Русь» тѣми-же глазами, какими невымершіе еще потомки блаженной памяти короля Фердинанда Бомбы смотрятъ, можетъ быть, на «Обѣ Сициліи» и что воззрѣнія этихъ ихтіозавровъ найдутъ откликъ въ сердцахъ обрѣтающихся еще на Украйнѣ или въ Жмуди политическихъ-же плезіозавровъ! Мнѣ кажется, что подобно тому, какъ объединенная Италія вполнѣ безбоязненно игнорируетъ существованіе неаполитанскихъ Бурбоновъ, такъ и объединенная Россія могла-бы преслѣдовать задачу нормальнаго урегулированія русско-польскихъ отношеній, пренебрегая соображеніями о возможности единичныхъ выходокъ въ духѣ Реставраціи, поступившемъ уже во всемъ мірѣ въ музеи ископаемостей.

II.

Домамъ невѣрующимъ.

(Письмо русскимъ скептикамъ).

Отъ знакомыхъ русскихъ я не разъ уже слышалъ заявленіе, что коль скоро я—полякъ нерасположенный, то не можетъ быть, чтобы въ глубинѣ души я не питалъ желанія и надежды насчетъ возстановленія совершенно обособленной Польши.

Отвѣчать на это обстоятельно никакъ я не могъ въ отрывочныхъ разговорахъ при мимолетныхъ свиданіяхъ, и да будетъ мнѣ позволено поэтому «поисповѣдаться» здѣсь о желаніи и надеждѣ en question.

Мои «желанія» идутъ дальше національнаго обособленія. Я желаю «въ глубинѣ души», чтобы народы, отрѣшившись отъ посягательствъ на то другъ у друга, что

имъ самимъ дорого, не находили самодовлѣнія въ обособленности, а соединялись въ государственныя построенія высшаго порядка.

Что-же касается помянутой надежды то я возьмѣю ее, когда узнаю, что нѣсколько тысячъ поляковъ, живущихъ въ настоящее время въ Данцигѣ, мирно сыграли тамъ роль гомеровскихъ грековъ, овладѣвшихъ Троей а всѣ вообще польскіе патріоты, превратившись въ коллективнаго, такъ сказать, Петра Великаго полонизма, на законныхъ основаніяхъ «прорубаются» черезъ германизмъ низовьевъ Вислы *) къ названному городу, дабы сдѣлать изъ него польскій Петербургъ; Германія-же и Россія не препятствуютъ имъ въ этой работѣ.

При настоящемъ-же положеніи польской народности, при полномъ отсутствіи признаковъ, что подобное сосредоточеніе усилій имѣется въ виду, что обѣ названныя державы склонны глядѣть на нихъ сквозь пальцы — надѣяться на возсозданіе польской независимости,—это все равно, что разсчитывать на выигрышъ въ двѣсти тысячъ рублей, не сдѣлавъ даже перваго взноса по покупкѣ въ разсрочку выигрышнаго билета и не застраховавъ его.

---

*) Въ расположенной на нижнемъ теченіи Вислы прусской провинціи West-Preussen имѣлось въ 1867 году нѣмцевъ 936,998, поляковъ 468,900. Позднѣйшихъ данныхъ у меня нѣтъ подъ рукою.

Я посѣтилъ Сербію неоднократно и слишкомъ хорошо знаю, въ какой мѣрѣ эта страна, вслѣдствіе отсутствія доступа къ морю, находится въ экономическомъ рабствѣ у Австро-Венгріи, чтобы вожделѣть независимости такого-же сорта для Польши, а иною эта независимость не могла-бы быть ни въ какомъ случаѣ, при неизмѣнности нынѣшнихъ національныхъ, отношеній на низовьяхъ Вислы. И хотя между хорватами и венгерцами возникаютъ отъ времени до времени пререканія и столкновенія, но если основательно и всесторонне вникнуть въ «обособленность» Сербіи и въ «подчиненность» Хорватіи, то на сторонѣ первой окажутся преимущества *номинальныя*, а на сторонѣ второй *дѣйствительныя*. Въ одну изъ моихъ экскурсій въ Бѣлградъ политическіе противники г. Милутина Гарашанина называли его въ разговорахъ со мною «предателемъ» потому, что имѣли будто-бы основанія подозрѣвать его въ стремленіи къ нераздѣльному политико-юридическому единенію Сербіи съ Австро-Венгріей на началахъ венгро-хорватской уніи. Читая потомъ извѣстія о печальной участи сербскихъ свиней, вслѣдствіе австрійскихъ капризовъ, я вспоминалъ эти разговоры и думалъ: подлинно-ли въ планахъ, приписываемыхъ г. Гарашанину, было исключительно одно предательство? Не было-ли тутъ и убѣжденія, что при извѣстныхъ условіяхъ реальная унія лучше псевдосуверенитета?..

Отложеніе Царства Польскаго отъ Россіи, предположивъ даже, что Россія безпрепятственно допустила-бы такой exodus, поставило-бы его въ положеніе худшее того, въ которомъ находится Сербія. Будучи страной съ довольно высоко развитой промышленностью, оно потеряло-бы «Hinterland», столь необходимую для существованія его фабрикъ и заводовъ, отъ правильнаго функціонированія которыхъ зависятъ нынѣ, а еще больше будутъ зависѣть впредь не только средства къ жизни значительнаго и изъ года въ годъ возрастающаго количества рабочихъ, мастеровъ, техниковъ, инженеровъ, контористовъ и администраторовъ, но и та степень доходности очень многихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, при которой они только и могутъ дѣйствовать. Теряя свободный сбытъ своихъ произведеній въ Европейской и Азіатской Россіи, обособленное Царство Польское очутилось-бы одновременно передъ лицомъ такихъ-же экономическихъ требованій со стороны Германіи, какими Австро-Венгрія изводитъ дунайскія государствица. Исходъ таможенной войны между Румыніей и Габсбургской Монархіей, разрѣшеніе по предписанію изъ Вѣны вопроса объ акцизахъ въ Болгаріи, коммерческій трактатъ, продиктованный Вѣною-же Сербіи—даютъ полякамъ Царства полную возможность предвкушать, чѣмъ-бы стала ихъ родина, охваченная прусской дугою Кенигсбергъ-Торнъ-Бреславль, при потерѣ

опоры, обезпечиваемой ей нынѣ Россіею. Заграничные рынки гораздо нужнѣе Пруссо-Германіи, чѣмъ Австро-Венгріи, и въ «мирномъ» завоеваніи ихъ она выказываетъ несравненно больше ловкости и настойчивости, чѣмъ разношерстная и довольно инертная монархія Габсбурговъ. Пруссо-Германія не упустила-бы такого удобнаго случая заручиться сбытомъ и лишила-бы польскую промышленность даже мѣстнаго потребителя. Географическое же положеніе Польши не позволяло-бы ей сопротивляться такой прусско-германской экономической политикѣ. Мало того; нынѣшнія мѣры, ограничивающія наплывъ нѣмцевъ въ Царство Польское, не составляютъ предмета протестовъ со стороны берлинскаго кабинета только потому, что онѣ введены такой великой державой, какъ Россія. Но надо быть слишкомъ наивнымъ и слишкомъ уже невѣжественнымъ насчетъ прусско-германскихъ взглядовъ и тенденцій, чтобы не предвидѣть, какимъ былъ-бы образъ дѣйствій того-же берлинскаго кабинета, если-бы по тому-же вопросу пришлось имѣть дѣло не съ могучей Россіей, а со слабой Польшей. И если теперь польская среда ассимилируетъ мало-по-малу нѣмецкое наслоеніе Калишской и Петроковской губерній, вслѣдствіе сравнительной тонкости этого наслоенія, то при увеличеніи его плотности, при учащеніи сношеній его съ очагами германизма—этотъ процессъ пріостановился-бы несомнѣнно. Затѣмъ насылае-

мый Германіею и неотступно сопровождаемый ея покровительствомъ «средній» нѣмецъ, располагая лучшей профессіональной подготовкой, большей предпріимчивостью, большей трудовой выносливостью и большей бережливостью, чѣмъ «средній»-же полякъ, разсѣялся-бы постепенно по всей странѣ и повсюду добивался-бы того положенія, какимъ пользуются англо-саксонцы въ кельтической Ирландіи.

Перспектива далеко не заманчивая, а она представляется мнѣ до того неминуемой, при гипотезѣ обособленной Польши, что я, и принципіально, и въ затаенномъ въ глубинѣ души желаніи, не могу воздыхать къ превращенію такого теоретическаго предположенія въ дѣйствительность.

А такъ какъ я не страдаю маніей величія, такъ какъ не воображаю, что только я одинъ-одинешенекъ изъ всѣхъ современныхъ польскихъ «интеллигентовъ» настолько догадливъ, что уразумѣлъ все вышеизложенное, то едва-ли съ моей стороны будетъ слишкомъ смѣло допустить, что упраздненіе установленной 4-й статьей основныхъ русскихъ законовъ *нераздѣльности* престоловъ Царства Польскаго и Всероссійской Имперіи не составляетъ задней мысли, неотступно руководящей всѣми начинаніями польской интеллигенціи на берегахъ Вислы.

III.

Febris consularis.

(Открытое письмо С. С. Татищеву).

Милостивый государь,

Сергѣй Спиридоновичъ!

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ о восточныхъ дѣлахъ, напечатанномъ въ «Новомъ Времени», говоря о причинахъ охлажденія послѣ парижскаго мира между цетинскимъ дворомъ и русскимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, вы замѣчаете: «Причиною тому были, въ послѣдніе годы правленія князя Даніила и въ первые годы княженія его преемника, нынѣшняго князя Николая, отчасти интриги Австріи и наполеоновской Франціи, *но всего болѣе то, что Бисмаркъ такъ мѣтко назвалъ:* «febris consularis», *подъ*

которою должно разумѣть усердіе не по разуму мѣстныхъ агентовъ, личные свои счеты нерѣдко возводящихъ на степень политическихъ вопросовъ и смѣшивающихъ собственные, мелочные, порою своекорыстные интересы съ интересами государственными, ввѣренными ихъ охранѣ и попеченію».

Совсѣмъ какъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ, не могъ я не сказать, прочитавъ эти ваши строки: сначала интриги Пруссіи, потомъ подстрекательство Англіи, нѣсколько позднѣе заигрыванье наполеоновской Франціи, а наипаче и за все время, понынѣ «febris consularis».

Спѣшу оговориться, что я далекъ отъ мысли игнорировать воздѣйствіе на русско-польскія отношенія такихъ важныхъ факторовъ, какъ легитимистическій патримоніализмъ «бѣлыхъ» поляковъ, столкнувшійся по отношенію къ западному краю съ націоналистическимъ унитаризмомъ русскихъ всѣхъ цвѣтовъ, или какъ питаемый общеевропейской демагогіей революціонизмъ поляковъ «красныхъ», ставшій лицомъ къ лицу съ русскимъ консерватизмомъ муравьевскаго направленія.

Но я твердо убѣжденъ, что безъ «febris consularis», которою страдали «агенты» (опять-таки оговариваюсь, что въ числѣ ихъ были и поляки), дѣйствовавшіе въ Варшавѣ, *политическія* русско-польскія отношенія не имѣли-бы нынѣшняго прискорбнаго характера. Взаимныя-же чув-

ства обществъ русскаго и польскаго были-бы совсѣмъ иными, если-бы «Тряпичкины-очевидцы», живописуя польскую жизнь въ нѣкоторыхъ повременныхъ русскихъ изданіяхъ тѣмъ языкомъ нетерпимости и въ томъ «полицейскомъ» стилѣ, на которые по иному поводу жаловался недавно А. С. Суворинъ, не вселили во многихъ русскихъ совершенно ложнаго представленія о современныхъ полякахъ, а этихъ послѣднихъ не раздражали-бы и не оскорбляли своими выдумками и размышленіями.

За нѣсколько дней до появленія вашего письма съ вышеприведеннымъ отрывкомъ, я, встрѣтившись съ редакціоннымъ сотрудникомъ одного изъ здѣшнихъ повременныхъ изданій, спросилъ его, между прочимъ:

— Неужели вы вѣрите въ основательность всѣхъ рапортовъ, посылаемыхъ вамъ изъ «Привислинья»?

— Мы не печатаемъ и десятой части ихъ, да и печатаемое смягчаемъ,—отвѣтилъ мнѣ спрощенный журналистъ, никогда, замѣтьте, не «скомпрометировавшій» себя «слабостью» къ полякамъ.

Но и то, что появляется...

Судите сами:

Недавно было напечатано, напримѣръ, что варшавскіе поляки украсили ниши одного изъ мѣстныхъ костеловъ статуями ненавистниковъ Россіи, въ томъ числѣ Мицкевича, выдавъ ихъ за католическихъ святыхъ. Варшавскія газеты объяснили,

что и костелъ, и статуи въ нишахъ воздвигнуты за много лѣтъ до рожденія названнаго поэта, который, кстати сказать, интимно дружилъ со многими русскими. Не думайте, что Тряпичкинъ притихъ послѣ этого разоблаченія. Онъ продолжаетъ. Другой его собратъ по сему благородному ремеслу пытается увѣрить, что польское общество деспотически управляется своими женщинами, которыя моются одинъ, единственный разъ въ жизни—именно, когда утопаютъ (sic). Третій заявляетъ, что вся интеллигенція въ польскихъ городахъ состоитъ изъ обнищавшихъ потомковъ пановъ, унаслѣдовавшихъ отъ своихъ предковъ только одно тщеславіе и проводящихъ большую часть своего времени въ dolce far niente.

Этихъ образчиковъ, я полагаю, вполнѣ довольно для васъ—человѣка, прожившаго достаточно времени въ Вѣнѣ и Берлинѣ чтобы не знать, какія разнообразныя стороны, проявляетъ зарубежная польская современность, а неоднократно выказанная въ вашихъ историческихъ и публицистическихъ трудахъ способность ваша къ строго-логическимъ обобщеніямъ предрѣшаетъ, конечно, и вашъ взглядъ на достоинство «привислинскихъ» повѣствованій о полякахъ подъ русскимъ скипетромъ.

Но вы оказали-бы немаловажную услугу въ дѣлѣ, значеніе котораго не отрицается ни однимъ русскимъ, одареннымъ политической дальновидностью, если-бы,

возвращаясь съ Востока, побывали въ Царствѣ Польскомъ. При вашемъ навыкѣ ориентироваться, вы легко откроете на берегахъ Вислы и кое-что соотвѣтствующее именно тѣмъ государственнымъ русскимъ интересамъ и видамъ, которымъ, по моему искреннѣйшему убѣжденію, положительно вредитъ febris consularis и которымъ вы однажды сослужили уже патріотическую службу вашей запиской на имя князя Горчакова.

По поводу недавно сдѣланнаго мною указанія на возможность событій, которыя возвратятъ польскому дѣлу международное значеніе, мнѣ было замѣчено одной русской газетой, что указываемыя событія могутъ наступить только въ очень отдаленномъ будущемъ. Ваше письмо о дѣятельныхъ стараніяхъ создать австрійскую партію на очень обширномъ кускѣ Балканскаго полуострова свидѣтельствуетъ, что индѣ дѣйствуютъ не разсуждая о томъ, въ ближайшемъ-ли, близкомъ, отдаленномъ, или отдаленнѣйшемъ будущемъ состоится неминуемое, или признаваемое таковымъ.

Можетъ быть, ваша остановка въ Варшавѣ на возвратномъ пути въ Петербургъ и нѣсколько писемъ о ней положатъ начало предварительнымъ условіямъ для возникновенія въ польской средѣ *русской* партіи?..

Будучи лично проникновеннымъ сторонникомъ воскрешенія въ нынѣшней Польшѣ ея руссофильства временъ Им-

ператора Александра Благословеннаго, я буду радоваться, если настоящее обращеніе къ вамъ возымѣетъ желанное дѣйствіе.

Примите увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи къ вашему выдающемуся публицистическому таланту и глубокой исторической эрудиціи.

Д. Багницкій.

Гос. Истор.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ ..... 193 г.